

УДК 930.1

СМЕРТЬ КАК ОБЛАСТЬ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИИ

© 2021 Т.В. Филатов

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Самара

Статья поступила в редакцию 10.02.2021

В статье рассмотрена проблема соотношения предметных областей философии и истории в контексте идеологической ситуации в современной России. Обосновывается тезис о том, что смерть как экзистенциальный феномен является наиболее значимой составляющей предметного поля как философии, так и истории. Данное обстоятельство определяет сущностное родство означенных дисциплин и их динамическое взаимодействие, в т.ч. в пространстве идеологии.

Ключевые слова: смерть, философия, история, идеология, историческая память, Великая Отечественная война, глобализация.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-1-65-71

Целью настоящей статьи является выявление нового ракурса отношения философии и истории как близкородственных гуманитарных дисциплин. Конечно, всякая новизна является относительной, вследствие чего необходимо сослаться на статью А.Г. Ваганова «Смертоносная память»¹, которая инициировала движение авторской мысли в соответствующем направлении. Анализируя экзистенциальный вектор развития современных информационных технологий, А.Г. Ваганов, в частности, указывает, что «стоит нам только сделать несколько шагов по цепочке логических предположений о том, что такое память, каковы ее функции, – и мы неминуемо оказываемся вплетенными в тройной онтологический узел: память-время-смерть. Смерть всегда воспринималась как реперная точка, относительно которой и разворачивается во времени этот процесс – память»². Иначе говоря наряду с тривиальной противоположностью «жизнь – смерть» обнаруживается

неочевидная противоположность смерти и памяти, опосредуемая не чувственностью, как первая, а временем. Последнее позволяет А.Г. Ваганову сделать вывод о том, что «истинная смерть – это абсолютное беспмятство»³.

В данной связи возникает принципиальное возражение против концепции реинкарнации, составляющей один из краеугольных камней философии индуизма и буддизма, согласно которой человек проживает неопределенное количество жизней, периодически меняя свои телесные оболочки. Однако в процессе подобного перехода память о прошлой жизни полностью стирается, так что новую жизнь приходится начинать с чистого листа. Что же тогда сохраняется при переходе от одной телесной субстанции к другой? Очевидно, что нематериальная душа, понимаемая как чистая чувственность. В этом плане концепция загробной жизни, сложившаяся в христианстве и исламе, представляется логически более убедительной: ведь если истинная смерть есть абсолютное беспмятство, то истинная (вечная) жизнь есть вечная

Филатов Тимур Валентинович, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии.
E-mail: tfilatoff1960@mail.ru

память, когда в разумной части души информация о событиях земной жизни закрепляется навечно. Иначе говоря, если в индуизме и буддизме смерть – это начало новой жизни, то в христианстве и исламе – это переход человека в мемориальную стадию своего существования⁴, потому что человек выпадает из времени, живя исключительно памятью о прошлом в ситуации реального отсутствия настоящего и будущего.

Примечательно, что А.Г. Ваганов приходит здесь к иным выводам: «Все это с неизбежностью заставляет нас вводить различие *типов смерти* с разной *онтологией*: *смерть как абсолютное беспамятство* и *смерть как стиль жизни, способ существования памяти в кибернетическом пространстве-времени*. Во втором случае вечная память и смерть становятся синонимичными понятиями. А беспамятство в эпоху Интернета – это скорее уничтожение цифровой копии памяти о Вас, чем только и просто исчезновение Вас как объекта физического мира»⁵.

Суммируем сказанное. Тема «философия и смерть» достаточно очевидна. Здесь можно вспомнить многочисленные высказывания античных философов на эту тему. Например, Фалеса Милетского, который как-то констатировал, что между жизнью и смертью нет никакой разницы. Когда же его спросили: «Почему же ты не умрешь?», он ответил: «Именно поэтому»⁶. Или известное изречение Эпикура, который утверждал, что смерть не имеет к нам никакого отношения, потому что пока мы есть, смерти еще нет, а когда она приходит, нас уже нет⁷. Из близких по времени к нам философов можно указать прежде всего на М. Хайдеггера, определившего бытие человека во времени как *бытие к смерти*⁸. Впрочем, указанный список можно продолжать очень и очень долго, помещая туда все новые и новые имена.

Сложнее в этом отношении обстоит дело с историей. Можно констатировать общеизвестное, определив ее как науку о прошлом, т.е. о том, что существует только в

нашей памяти, но не в настоящем. Именно поэтому настоящее есть вечно дрейфующая в будущее граница области исторического исследования. Например, историю войны можно написать только тогда, когда война уже закончилась, равно как писатель становится классиком, а его творчество – предметом исторического исследования, когда он уходит из жизни, то есть в строго логическом смысле история имеет дело только с тем, что *уже умерло*. Философия в этом отношении подобна истории, но не тождественна ей, поскольку она имеет дело с тем, что *уже умирает*. Здесь вспоминается замечание Гегеля о том, что философия – это время, постигнутое в мысли, а каждый философ – это сын своего времени⁹. Но что представляет собой бытие во времени по Хайдеггеру? Бытие к смерти.

Вернемся, однако, к упомянутой выше триаде «память-время-смерть». Представляется, что в связке «история (память) – философия (время)» явно не хватает третьего итогового элемента, который можно было бы наиболее полно проассоциировать со смертью. Нам представляется, что в относительно недалеком историческом прошлом роль подобного «исключенного третьего» играла религия как учение, в той или иной степени ориентированное на преодоление смерти, будь то вечная жизнь разумной души в христианстве и исламе или неопределенно долгие перерождения чувствующей души в индуизме и буддизме. Почему же этот третий компонент обычно ускользает от внимания исследователей?

На наш взгляд, в современном мире роль религии играет *идеология*, понимаемая нами не в широком смысле соотнесения общественной идеологии с общественной психологией, как в советском марксизме¹⁰, а в узком смысле – как закономерный исторический этап развития религиозно-мифологического сознания, когда антропоморфное истолкование материального мира и его элементов (мифология), перерастающее затем в веру в трансцендентные антропоморфные существа, управляющие миром

(религия), сменяется верой в абстрактные идеи – коммунизм, фашизм, мультикультурализм, толерантность и т.д. Процесс перехода от религии к идеологии осуществляется, например, в философии Гегеля, который фактически превращает христианскую религию **в религиозную идеологию**, замещая антропоморфного Бога абстрактным «Мировым духом» или «Абсолютной идеей»¹¹. Данный процесс находит свое отражение в ранней работе Маркса и Энгельса «Немецкая идеология»¹², где формулируется новое для того времени материалистическое понимание истории.

Здесь следует констатировать, что двадцатое столетие становится эпохой жесточайшей идеологической борьбы, столкновением глобальных идеологий, в том числе религиозных, которые стремились утвердить свои системы ценностей в качестве планетарных. Подобная борьба продолжается и сегодня, в двадцать первом столетии. В этом отношении положение России после распада СССР представляется столь же уникальным, как и положение Японии в 1945 году, полностью отказавшейся от вооруженных сил после поражения во Второй мировой войне. Согласно статье 13 Конституции РФ, «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»¹³. Как указывает по этому поводу В.Э. Багдасарян, «доля конституций, которые не содержат ни национальных, ни религиозных идентификаторов, всего 8,2%»¹⁴. Ему же принадлежит следующее интересное наблюдение: «каждая из цивилизаций выступает в мире с собственным идеологическим проектом. Этот идеологический проект находит отражение в конституциях соответствующих государств. Существует на сегодня только одно цивилизационнообразующее государство, для которого выдвижение собственного идеологического проекта находится под запретом. Это государство – Россия»¹⁵.

Иначе говоря, сегодняшней России нечего предложить своим гражданам и окружающему миру в качестве цивилизационного

проекта. Естественным образом возникает вопрос о причинах подобного рода аномальной ситуации. По нашему мнению, все здесь упирается в реалии предшествовавшего нынешнему советского периода отечественной истории, когда в стране безраздельно господствовала коммунистическая идеология, обеспечивавшая, помимо всего прочего, легитимацию системы власти одной (коммунистической) партии и ее руководителей. Неудивительно, что попытка М.С. Горбачева демонтировать однопартийную политическую систему в СССР в направлении многопартийности привела не только к политической смерти соответствующего руководителя, но и к распаду (исторической смерти) управляемой им страны, а также к роспуску возглавляемой им партии.

При этом политические силы, пришедшие на смену коммунистам, объединяла чистая негативность в форме антикоммунизма, «патологическая ненависть ко всему советскому», как написал в анкете ОВИР один из диссидентов, который в 70-е годы XX века добивался разрешения на выезд из СССР. В результате победа этих сил повлекла за собой исключительно негативные последствия в виде распада страны и полной политической капитуляции перед Западом. Однако попытка оформить соответствующую идеологическую капитуляцию посредством механического переноса на территорию РФ политической системы, исторически сформировавшейся в США, а также либеральной идеологии изначально была обречена на провал, и этот проект был идейно похоронен в ходе событий октября 1993 года, когда не сработал эффективно действующий на Западе принцип разделения властей¹⁶.

В итоге в России утвердился **идеологический негативизм**, когда тотальное отрицание коммунистической идеологии повлекло за собой закрепление в общественном сознании граждан РФ негативного отношения к любой идеологии вообще. Аналогичным образом отказ Японии от собственных

вооруженных сил привел к тому, что в 2018 году только 11% японцев были готовы защищать свою родину в случае нападения на нее врага с оружием в руках¹⁷. И это в стране, где веками культивировался самурайский дух! Конечно, у Японии сегодня имеются «силы самообороны», превосходящие по огневой мощи японскую императорскую армию периода Второй мировой войны, в стране снимаются фильмы патриотической направленности об этом историческом периоде, но в идеологическом плане в народе что-то необратимо сломалось.

Следует отметить, что в России периодически предпринимаются попытки хотя бы очертить контуры новой российской идеологии. Можно, например, указать на бывшего министра культуры РФ В.Р. Мединского, имя которого ассоциируется с тезисом «Россия – не Европа», вызвавшим негативную реакцию либеральной общественности, а также Ученого Совета Института философии РАН, в заявлении которого указывалось, что проект основ государственной культурной политики, предложенный возглавляемым министром департаментом, содержит претензии на утверждение общеобязательной государственной идеологии, что противоречит статье 13 Конституции РФ¹⁸.

Примечательно, что против идеи государственной идеологии выступили именно отечественные философы, большая часть которых верно служила коммунистической идеологии в советский период, подобно тому, как в Средние века философия выполняла функции служанки религии, а в Новое Время – служанки науки. По этой причине отношение философии к религии (или к идеологии) во все времена было амбивалентным, вполне укладываясь в схему гегелевской диалектики раба и господина¹⁹. Запрещение общеобязательной государственной идеологии в РФ открыло перед отечественными философами уникальные возможности для свободного творчества, впервые в истории полностью избавив их от идеологического диктата, равно как писателей, художников, режиссеров и других

деятелей культуры. В подобной ситуации любые намеки на возрождение государственной идеологии воспринимаются российскими интеллектуалами весьма болезненно и вызывают активное отторжение.

Однако подобного рода свобода имела исключительно негативные последствия. Господин, по Гегелю, нуждается в рабе, чтобы осуществлять свое бытие в качестве господина, тогда как раб на первый взгляд самодостаточен, поскольку не нуждается ни в каком господине, стремясь к тому, чтобы сбросить иго служения господину и стать свободным. Но в этом случае он, очевидно, перестает быть рабом, осуществляющим свое бытие вопреки господину²⁰. Аналогичным образом **творчество, не связанное с преодолением идеологических запретов, полностью обесценивается, причем не только онтически, но и онтологически**. Именно поэтому в постсоветскую эпоху (1991-2021 гг.) в России не было создано ничего столь же значительного, как это имело место в предшествующий период жесточайшей идеологической цензуры.

Следует также обратить внимание еще на одно обстоятельство, характерное для идеологического измерения современной отечественной культуры. Будучи естественным диалектическим продолжением утвердившегося в современной России идеологического негативизма, попытки структурирования новой идеологии, как правило, носят негативный характер: ненависть к продажным либералам, потерявшим всякий стыд гомосексуалистам, плюющим на законы олигархам, зарвавшимся американцам, растерявшим традиционные ценности европейцам, коммунистам, «укрофашистам», русским националистам, исламским фундаменталистам, мигрантам и т.п. Напротив, позитивные идеологические проекты: возрождение православия, казачества, восстановление СССР, борьба с депопуляцией русского народа и прочие устойчивого успеха не имели.

Однако на чистом отрицании построить идеологию невозможно. Поэтому в ближайшем будущем появление общенациональ-

ной позитивной идеологии в России весьма маловероятно. Вместе с тем ни в одном социуме идеологическое измерение не может окончательно обнулиться. Особенно в России с ее историческим опытом «Третьего Рима» и «коммунистического строительства». Своеобразие сегодняшней отечественной идеологической ситуации в том, что, **окончательно потеряв философское измерение, идеология в России продолжает бороться за свое существование исключительно в историческом измерении.**

Здесь самое время вспомнить упоминавшийся выше тезис А.Г. Ваганова: «истинная смерть – это абсолютное беспамятство»²¹. Отсюда логически следует, что истинная смерть народа – это абсолютное историческое беспамятство. Народ, потерявший свою историческую память, перестает существовать, даже если составлявшие его индивиды продолжают существование соответствующего этноса. Конечно, историческую память невозможно стереть легким движением руки, подобно тому, как удаляют более не нужную компьютерную программу. Но ее при желании можно подменить ложной памятью²², принятие которой повлечет за собой «истинную смерть» соответствующего народа.

Справедливости ради следует отметить, что технологии «переписывания истории» практиковались с глубокой древности, но, как правило, для идеологической коррекции соответствующих народов, а не с целью их уничтожения. При этом речь идет о формировании исторического самовосприятия социумов, а вовсе не об их восприятии другими социумами, их потенциальными конкурентами, которое в большей части случаев оказывалось сугубо деструктивным, что вполне естественно. Ситуация качественно меняется только в наше время в связи с усилением процессов глобализации, поскольку организованные по национальному признаку социумы, их национальные культуры и стоящие во главе этих социумов национальные элиты объективно препятствуют распространению и укреплению глобального мирового порядка.

Иначе говоря, по всему миру активно реализуются программы самоликвидации социумов, организованных по национальному признаку, что в качестве важного элемента предполагает стирание исторической памяти соответствующих народов. Не случайно главной болевой точкой отечественной истории сегодня становится история Великой Отечественной войны. Ведь именно победа в этой войне не только сохранила Россию и спасла русский этнос от полного физического уничтожения, но и позволяла России единственный раз за всю историю превратиться в сверхдержаву, оказывающую определяющее воздействие на исторические процессы в планетарном масштабе. Если удастся обесценить эту победу, то тем самым удастся обесценить всю историю России, превратив тем самым русский народ в население «глобального человека», как определил современную глобальную цивилизацию А.А. Зиновьев²³.

В этом плане именно современные российские историки, а вовсе не отечественные философы или отечественные «мастера культуры» оказываются сегодня на первой линии идеологической борьбы с «доморощенными» и зарубежными разрушителями исторической памяти нашего народа. В данной связи автору хотелось бы указать прежде всего на недавно вышедшую монографию самарских историков Г.М. Ипполитова, А.И. Репинецкого и Ю.С. Репинецкой «Отпор покушению на подвиг народа. Против фальсификаций истории Великой Отечественной войны»²⁴, в которой осуществляется подробный критический разбор ряда исторических фальсификаций, получивших широкую известность не только за рубежом, но и в нашей стране, например, историко-публицистических работ В.Б. Резуна, писавшего под псевдонимом В. Суворов²⁵, открыто обеляющего Гитлера, который якобы был вынужден начать превентивную войну с СССР, поскольку Сталин готовил нападение на Германию и ее союзников.

Следует отметить, что память о Великой Отечественной войне является, пожалуй,

единственной «точкой сборки», вокруг которой в современной России может строиться общенациональная идеология, что определяет не только историческую, но и экзистенциальную значимость подобной памяти. Не случайно наиболее массовой и наиболее успешной общественной акцией нашего времени является движение «Бессмертный полк»²⁶, инициированное снизу и посвященное сохранению в каждой российской семье памяти о предках, участвовавших в Великой Отечественной войне.

Суммируем сказанное.

1. Смерть – это ничейная земля между философией, историей и идеологией (в прошлом – религией).

2. Общегосударственная идеология в современной России в ближайшей исторической перспективе, скорее всего, не возникнет, поскольку для этого отсутствуют как объективные, так и субъективные предпосылки.

3. Золотой век философии в России приходится на период господства коммунистической идеологии, когда развитие философии, обслуживавшей данную идеологию, увязывалось с осуществлением футуристического проекта построения коммунистического общества. Поскольку в сегодняшних условиях ни один из подобных проектов в России не осуществляется, статус философии здесь с течением времени будет только понижаться. Последнее не относится к мировой философии, поскольку в рамках идеологий других цивилизаций продолжают реализовываться футуристические проекты, прежде всего проект нового мирового порядка, ассоциирующийся с глобализацией.

4. Напротив, статус отечественной истории в России сегодня имеет явную тенденцию к повышению, поскольку историческая память является единственной сферой идеологической борьбы, где Россия может успешно противостоять идеологии глобализации, нацеленной на уничтожение исторически сложившихся национальных сообществ, в том числе посредством стирания их исторической памяти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ваганов А.Г. Смертоносная память // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. М.: ИФ РАН, 2004. С. 94-108.

² Ваганов А.Г. Смертоносная память ... С. 94.

³ Ваганов А.Г. Смертоносная память ... С. 98.

⁴ Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. М.: Прогресс, 1993. С. 509.

⁵ Ваганов А.Г. Смертоносная память ... С. 98-99.

⁶ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. С. 74.

⁷ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов... С. 433.

⁸ Хайдеггер М. Бытие и время. / Пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Ad Marginem, 1997. С. 252-255.

⁹ Гегель Г. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 55.

¹⁰ См., напр.: Уледов А. К. Общественная психология и идеология. М.: Мысль, 1985. 268 с.

¹¹ Гегель Г. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 689 с.

¹³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Статья 13. [Электронный ресурс] // «Консультант Плюс» [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/5b9338a7944b7701fbc63f48c943e8175be16462/ (дата обращения: 28.02.2021).

¹⁴ Багдасарян В.Э. Конституция и ценности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2013. № 3. С. 8.

¹⁵ Багдасарян В.Э. О запрете государственной идеологии в Конституции РФ [Электронный ресурс] // «Народный журналист» [сайт]. URL: <https://narzur.ru/o-zaprete-gosudarstvennoj-ideologii-v-konstitucii-rf/> (дата обращения: 28.02.2021).

¹⁶ Румянцев О.Г. Конституционный коллапс осени 1993 года // Свободная мысль. 2018. № 5 (1671). С. 151-172.

¹⁷ Только 11% японцев готовы защищать свою Родину с оружием в руках! [Электронный ресурс]. URL: <http://forum.ykt.ru/viewtopic.jsp?f=25&id=4308152> (дата обращения 28.02.2021).

¹⁸ Заявление членов Ученого Совета Института философии РАН о концепции основ культур-

- ной политики [Электронный ресурс] // Институт философии РАН [сайт]. URL: https://iphras.ru/cult_polit.htm (дата обращения 28.02.2021).
- ¹⁹ *Корецкая М.А.* Признание и негативность: полемика вокруг диалектики господина и раба // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2016. Т. 17. № 3. С. 115-126.
- ²⁰ *Новак П.* Правители и философы (Введение в чтение Кожева) // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 187.
- ²¹ *Ваганов А.Г.* Смертоносная память ... С. 98.
- ²² *Серигов А.Е.* Ложная память как перезапись реальности // *Mixtura verborum* 2013: время, история, память: философский ежегодник / Под общ. ред. С.А. Лишаева. Самара: Самар. гуманит. акад., 2014. С. 131-143.
- ²³ *Зиновьев А.А.* Глобальный человек. М.: Центрполиграф, 2000. 458 с.
- ²⁴ *Ипполитов Г.М., Репинецкий А.И., Репинецкая Ю.С.* Отпор покушению на подвиг народа. Против фальсификаций истории Великой Отечественной войны / Под общей редакцией Г.М. Ипполитова. М. - Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2020. 448 с. (Страницы Великой Победы).
- ²⁵ См., напр.: *Суворов В.* Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? [Вступ. ст. В. Буковского]. М.: АСТ, 2003. 378 с.
- ²⁶ *Береснев В.Д., Береснева Н.И.* «Бессмертный полк»: социокультурный контекст и философская рефлексия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. № 1. С. 67-74.

DEATH AS AN AREA OF EXISTENTIAL INTERSECTION OF PHILOSOPHY AND HISTORY

© 2021 T.V. Filatov

Volga State University of Telecommunications and Computer Science, Samara

The article considers the problem of the correlation between the subject areas of philosophy and history in the context of the ideological situation in contemporary Russia. The author argues that death as an existential phenomenon represents the most significant component of the subject field of both philosophy and history. This determines the essential relationship of the indicated disciplines and their dynamic interaction, including in the space of ideology. *Keywords:* death, philosophy, history, ideology, historical memory, Great Patriotic War, globalization.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-1-65-71